

УДК 94(430).056

**ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ В РОССИЙСКИХ ПЛАНАХ
В ГОДЫ СЕМИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ (1756-1763 гг.)**

© 2014 М.Ю. Анисимов

Институт российской истории Российской академии наук, г.Москва

Поступила в редакцию 25.03.2014

Статья освещает стремление Петербурга в годы Семилетней войны закрепить за собой занятую русскими войсками территорию Восточной Пруссии. Из архивных документов российской дипломатии следует, что российское правительство рассматривало эти свои планы как достижимые на послевоенных мирных переговорах, решение о начале которых было принято в 1761 г., и не отказывалось от этих планов вплоть до смерти императрицы Елизаветы Петровны 25 декабря 1761 г.

Ключевые слова: Семилетняя война, Россия, Восточная Пруссия, российская дипломатия.

Во время Семилетней войны русские армии, сражавшиеся против войск прусского короля Фридриха II, в 1758-1762 гг. занимали часть его владений, ныне известную под названием Восточной Пруссии, а в то время – Королевской Пруссии, Бранденбургской Пруссии (т.к. Фридрих II был одновременно курфюрстом Бранденбурга с центром в Берлине), или даже просто Пруссии.

Русские войска, войдя в Восточную Пруссию после зимнего похода начала 1758 г., привели население этой территории к присяге на верность российской императрице Елизавете Петровне, которая назначила в Кёнигсберг своих губернаторов и распорядилась чеканить прусские монеты со своим портретом.

Естественно, такие действия являются свидетельством намерений России присвоить себе Восточную Пруссию, они имеют параллели с петровским присоединением Эстляндии и Лифляндии, население которых также принесло присягу Петру I ещё до официального отказа Швеции от этих территорий на Ништадтском конгрессе 1721 г.

В историографии есть разные утверждения о месте Восточной Пруссии в планах России времён Семилетней войны. В дореволюционное время П.В. Безобразов, а в современное – П.П. Черкасов, основываясь на донесениях французских дипломатов, писали, что в 1760 г. Елизавета Петровна, под давлением Версаля, согласилась отказаться от прежнего намерения присоединить Восточную Пруссию к России¹. Опираясь на эти свидетельства, современный историк М.К. Чиняков даже делает глобальный вывод:

Анисимов Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. E-mail: anisimovm@list.ru

«Таким образом, на основании этого факта можно сделать логичное предположение о том, что, доживи государыня до окончания войны, итог участия России в Семилетней войне мог оказаться почти таким же, каким он оказался в действительности при Петре III», т. е. возвращение Восточной Пруссии Фридриху II².

Однако обнаруженные в Архиве внешней политики Российской империи дипломатические документы елизаветинского правительства позволяют пролить свет на истинные планы Петербурга в отношении Восточной Пруссии и после 1760 г.

Для того чтобы рассмотреть место Восточной Пруссии во внешнеполитических планах России в Семилетней войне, следует начать с целей участия Петербурга в этой войне.

В 1912 г. в России были опубликованы протоколы елизаветинской Конференции при Высочайшем дворе – органа, созданного в 1756 г. для объединения в нём всех дел, касающихся подготовки к войне с Пруссией и ведения боевых действий. Цели России в войне с Пруссией Конференция в своих секретных постановлениях от 15 марта 1756 г. сформулировала так: «всегда главное намерение к тому клониться имеет, чтобы, ослабя короля прусского, сделать его для здешней стороны нестрашным и незаботным; венский двор возвращением ему Силезии усилила, сделать союз его противу турок больше важным и действительным; одолжа Польшу доставлением ей Королевской Пруссии (Восточной Пруссии. – М. А.), во взаимство получить не токмо Курляндию, но и с польской стороны такое граници окружение, которым бы не токмо нынешние беспрестанные хлопоты и беспокойства преклились, но может быть и способ достался бы

коммерцию Балтийского моря с Черным соединить и чрез то почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь»³.

Таким образом, Восточная Пруссия впервые появляется в секретных планах России. Петербург ещё до начала самой войны (вторжение Пруссии в Саксонию началось 17(28) августа 1756 г.) планировал отнять у Фридриха II Восточную Пруссию и обменять её Речи Посполитой на Курляндию и неназванные территории польской Украины и Белоруссии.

22 января 1757 г. в Петербурге российскими канцлером графом А.П. Бестужевым-Рюминым, вице-канцлером графом М.И. Воронцовым и австрийским послом графом Н. Эстергази была подписана русско-австрийская конвенция, которая, с сепаратными артикулами и декларацией австрийской государыни Марии-Терезии о будущем вознаграждении саксонского курфюрста за убытки, опубликована Ф.Ф. Мартенсом⁴.

Собственно, новая конвенция, подписываемая по инициативе России, была призвана отменить 4-ю тайную статью русско-австрийского союзного договора 1746 г., по которой Россия была готова помочь Австрии вернуть захваченные пруссаками в войне за Австрийское наследство 1741-1748 гг. Силезию и Глац, не требуя ничего взамен.

Истинные цели Петербурга не стали секретом для австрийцев. В ноябре 1756 г. вице-канцлер Воронцов, политический противник канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, сказал австрийскому послу графу Н. Эстергази, что идея территориального приращения России была «химической выдумкой канцлера». Сам Бестужев-Рюмин лишь улыбался на вопросы Эстергази об этих планах, а его секретарь Д.В. Волков (являвшийся также секретарём Конференции при Высочайшем дворе) напомнил австрийцу русскую поговорку про шкуру неубитого медведя⁵.

Австрийская императрица-королева Мария-Терезия в рескрипте к своему послу в Петербург графу Эстергази писала, что она поздравила бы Елизавету с таким возможным приобретением, если бы оно не нарушало 4-ю тайную статью русско-австрийского союзного договора 1746 г. Но отступить от этого договора было опасно, учитывая, что многие другие союзники Вены в войне с Пруссией, прежде всего Версаль, могли выразить недовольство планами России и даже отказаться воевать вместе. «Мария-Терезия надеялась, что её союзница, взвесив все обстоятельства и обоюдные выгоды, сама старательно скроет свои виды на Курляндию, нападёт со всей своей военной силой на короля прусского и будет выжидать времени, когда Франция и многие другие дворы сильнее будут втянуты в пред-

приятие против Фридриха II, а русская и австрийская армии получат решительный перевес над затравленным королём. Тогда наступит для России пора открыть своё истинное намерение, а если версальский двор не даст своего согласия, то дело может быть проведено и без его содействия. Императрица-королева считала этот план для России самым лучшим, но велела гр. Эстергази сообщить его русскому правительству, как личное мнение посла»⁶. Как видим, Австрия не была против российских претензий на территориальные приращения.

В тексте новой конвенции действительно не оказалось никаких упоминаний о послевоенных территориальных приращениях России.

Вместо этого была составлена отдельная секретная декларация, в которой (помимо возвращения Австрии Силезии и Глаца) шла речь о послевоенном приобретении Россией Курляндии в обмен на Восточную Пруссию.

Е.Н. Щепкин со ссылкой на австрийские дипломатические документы писал, что эту декларацию предложила составить Вена. Ещё в ноябре 1756 г. Мария-Терезия в рескрипте к Эстергази выражала готовность подписать письменную декларацию с обязательствами помочь присоединению Курляндии и Семигалии к России, а Восточной Пруссии – к Польше⁷. Отдельная декларация позволяла Марии-Терезии с полным правом утверждать, что она передаёт союзникам-французам весь текст русско-австрийской конвенции, так как декларация в неё не входила. Кроме того, Мария-Терезия в конце 1756 г., во время подготовки новых соглашений с Россией, решила воспользоваться идеей русских о Восточной Пруссии и в своих интересах. При обмене русскими Восточной Пруссии на Курляндию первая становилась бы вассальным владением Польши (то есть возвращалась в свой бывший статус). В таком случае императрица-королева планировала сделать прусским герцогом своего второго сына, эрцгерцога Карла. За это Вена была готова после возвращения Силезии передать испанскому королю, зятю Людовика XV, все Австрийские Нидерланды и оказать всё необходимое содействие закреплению за Россией Курляндии. В случае реализации своих планов династическим правилом Габсбургов стало бы запрещение Прусскому герцогству впредь присоединяться к каким-либо германским государствам и сохранение герцогского титула за кем-то из младших членов австрийского дома. Эту идею послу графу Эстергази можно было под видом собственного предложения осторожно высказать русскому двору, чтобы узнать его отношение к австрийским планам, но Эстергази этого не сделал, считая идею Марии-Терезии слишком щекотливой, тем более что на пря-

мые вопросы австрийского посла о русских планах на Курляндию и канцлер Бестужев-Рюмин, и вице-канцлер Воронцов ответили, что обмен Восточной Пруссии на Курляндию встретил бы сильное сопротивление европейских дворов и Петербург не настаивает на этих планах⁸.

Однако «вопреки ожиданиям графа Эстергази»⁹ декларация о Восточной Пруссии и Курляндии оказалась приложена к конвенции от 22 января 1757 г.

Эстергази в Петербурге подписал декларацию о Восточной Пруссии и Курляндии вместе с конвенцией, но при её ратификации в Вене возникли сложности, несмотря на то, что Вена ранее против неё не возражала.

С.М. Соловьёв писал, что австрийское правительство консультировалось относительно русских планов с Версалем, и оттуда последовал ответ, что «венский двор ошибается, если благоприятствует увеличению России в соседстве Германии; венский двор, быть может, первый будет в этом раскаиваться»¹⁰. Вероятно, именно позиция Франции, считавшейся до разгромной для неё битвы при Росбахе в ноябре 1757 г. главным союзником австрийцев, и повлияла на изменение позиции Марии-Терезии в отношении российских приобретений.

Как писала Мария-Терезия в рескрипте от 26 марта 1757 г. к послу в Петербурге графу Н. Эстергази, который тот по её велению показал русским, «мы в нашу жизнь так неохотно не подписывали никакого акта, как сию декларацию» о приобретениях России. Императрица-королева опасалась нареканий со стороны Франции и репутационного ущерба Вене и союзному Дрездену, которые являются в войне атакованной стороной и только защищаются от агрессии, а теперь, оказывается, один из их союзников стремится расширить свои границы за счёт других стран. Мария-Терезия умоляла Елизавету Петровну и её канцлеров держать эту декларацию в строжайшей тайне, так как о русских планах насчёт польской Курляндии уже откуда-то узнали при дворе польского короля и саксонского курфюрста Августа III. Кроме того, писала австрийская государыня, по Версальскому договору с Францией она обязалась сообщать королю Людовику XV все договоры с третьими странами, кроме «секретнейших дел», и должна сообщить и текст этой декларации, так как она не является отдельной секретной статьёй в договоре. Если она этого не сделает, то Франция всё равно может рано или поздно узнать о декларации, если сообщит – Версаль будет резко против такого обещания Вены, данного Петербургу, что в любом случае может привести к расколу антипрусской коалиции. Поэтому Мария-Тере-

зия просила Елизавету отменить эту декларацию, взамен чего уверяла русскую императрицу, что в дальнейшем сделает всё возможное на международной арене для удовлетворения претензий союзника¹¹.

Воронцов, прочитав показанный Эстергази рескрипт, в донесении Елизавете согласился с отказом от декларации, «ибо когда Бог благословит оружие российское и завоевана будет Пруссия и другие области короля прусского, то можно будет при примирении общем по тогдашним обстоятельствам в награждение убытков с нашей стороны Курляндию или город Данциг за собою удержать или какие другие аванжаи получить»¹².

Конференция при высочайшем дворе в мае собиралась по вопросу отмены декларации дважды и, по словам Бестужева-Рюмина и Воронцова австрийскому послу Эстергази, упорным противником отмены декларации был влиятельный Пётр Шувалов, но Елизавета решила декларацию упразднить¹³.

Официальный ответ на предложение Марии-Терезии отменить секретную декларацию о российских приобретениях был дан только осенью того же года. Елизавета Петровна сообщила, что отменяет спорную декларацию, ей достаточно слова Марии-Терезии о том, что она поддерживает требования России после войны.

Мария-Терезия ответила, что она согласна с российскими планами о получении территориальных компенсаций, надеется, что Россия их получит, но напоминает, что успех этого дела зависит не только от Австрии. Главной проблемой, по мысли императрицы-королевы, была Франция, которую Россия не предупреждала о своих намерениях и которая до сих пор знает только то, что Елизавета Петровна желает лишь восстановить мир и покой в Европе¹⁴.

Уже в следующем, 1758 г., конкретнее – 14 мая, Эстергази получил от русских канцлеров новую ноту с ответом на письмо Марии-Терезии. Петербург признавал, что он действительно не заявлял о своих территориальных претензиях, но, поскольку все остальные его союзники после войны получают приращения своих территорий (Франция – часть Австрийских Нидерландов, Австрия – Силезию и графство Глац, Швеция – Прусскую Померанию, Саксония – Магдебург и Сальский округ), то и Россия не должна остаться в стороне от такого передела карты Европы. Кроме того, лишение Фридриха II Восточной Пруссии и будет являться заявленной целью антипрусской коалиции – «сокращением сил прусского короля» и «услугой человеческому роду». Здесь же в откровенности российский двор сообщал Марии-Терезии, что, уже заняв Восточную Пруссию русскими войсками,

Петербург без особых проблем может удержать её за собой и после войны, так как эта территория даже не является частью Священной Римской империи. Однако если принадлежность Восточной Пруссии России станет препятствием общего мира, то «может быть», Россия пожертвует своим приобретением ради общего мира в обмен на «пристойную сумму денег»¹⁵.

20 июня 1758 г. Эстергази была вручена ещё одна записка для Марии-Терезии, в которой снова давался ответ на её предостережение о возможных протестах Франции против присоединения к России Восточной Пруссии. Петербург утверждал, что он не является лишь «помощной стороной» в войне, так как Фридрих II в прошлогодней декларации фактически объявил войну России, как и всем остальным её союзникам. Кроме того, Россия, как Австрия и Франция, тоже является гарантом Вестфальского мира 1648 г. и вправе защищать условия договора и самой получать при этом помощь.

Для «словесного внушения» Эстергази сообщалось, что в записках не упомянуты конкретные требования послевоенной компенсации, так как Петербург надеется в этом на своих союзников, рассчитывая или закрепить за собой Восточную Пруссию, или, если европейские державы этому категорически воспротивятся, то Россия согласится на денежную компенсацию¹⁶.

Позиции России в 1758 г. усилились из-за успешного захвата Восточной Пруссии российской армией. С января 1758 г. русские войска за всё время войны так и не покидали эту провинцию – приказ о возвращении её прусскому королю отдал только Пётр III в начале 1762 г. Петербург наладил управление Восточной Пруссией, подтвердил все льготы жителей, не обременял их лишними налогами, рекрутчиной, печатал для неё деньги с портретом Елизаветы и привёл к присяге ей на верность всё местное население. Вообще часто в литературе, особенно иностранной, придаётся преувеличенное значение факту присяги жителей этой провинции на верность Елизавете Петровне – присяга рассматривается как окончательное включение провинции в состав России. Однако в 1742 г., во время русско-шведской войны, русские войска также привели население занятой ими шведской Финляндии к присяге на подданство Елизавете: «финские полки тамо остались и со всею землею под наше подданство покорились»¹⁷, что не помешало императрице по условиям мира вернуть шведам всю Финляндию, кроме совсем небольшой её части. Жители Восточной Пруссии переживали русскую оккупацию спокойно и никаких массовых выступлений против русских, да и вообще каких-либо жалоб населения на притеснения не отмечено.

Австрийцы осознали, что русским остаётся только удержать Восточную Пруссию за собой на будущих мирных переговорах и, таким образом, Россия, в отличие от Австрии, практически добилась своей цели в войне. Вена предложила, «чтоб дальнейшее занятие прусских земель (имеется в виду Восточная Пруссия. – М. А.) делалось именем ее величества императрицы-королевы, чтоб тем не подать повода другим дворам к размышлению, а при том, чтоб воюющую сторону от помощной различать можно было»¹⁸. Естественно, это, по выражению немецкого историка Д.Э. Бангерта, «наглое требование» (Ansinnen)¹⁹ было неприемлемо для правительства Елизаветы, которое стремилось исключить все разговоры о своём неравноправном участии в войне. В записке для Эстергази Петербург возражал, что такие опасения являются излишними, так как Фридрих II при начале войны издал декларацию и против России, что, по сути, является объявлением ей войны и, следовательно, свидетельствует о полном статусе Петербурга как воюющей стороны. Европейским дворам же абсолютно безразлично, чьим же именем занимается эта провинция Фридриха II, а приведение жителей Восточной Пруссии к присяге на верность Елизавете Петровне объясняется желанием исключить разные антирусские замыслы, могущие возникнуть в среде пруссаков²⁰.

Вообще, насколько можно судить, первым идею закрепить за Россией равноправное участие в войне предложил российский поверенный в делах во Франции Ф.Д. Бехтеев в донесении М. Воронцову от 25 мая 1757 г. Он писал, что цель России в войне – присоединение Курляндии в обмен на Восточную Пруссию встретит на будущих мирных переговорах ожидаемое препятствие в виде возражения, что в войне Петербург участвовал как вспомогательная держава, оказывающая помощь исключительно в силу договорённостей с подвергшимися прусской агрессии Саксонией и Австрией. Бехтеев писал: «По слабому моему рассуждению кажется, что России, для надежнейшего достижения своего вида при нынешней войне, необходимо надобно [...], чтоб Россия при добрых успехах оружия сама объявила войну королю прусскому, к чему суть законные причины»²¹.

Теперь военные успехи России были налицо, и пришло время избавиться от бестужевской практики ведения войны минимальными силами и в качестве помощника других держав.

1759 год ознаменовался впечатляющими победами русской армии над пруссаками под Пальцигом и Кунерсдорфом. Наряду с бессилием французских армий и отсутствием решительных побед у австрийцев ведущей военной силой ан-

типрусской коалиции становилась Россия. Российская дипломатия желала как закрепить это официально, в виде признания России полноправной воюющей стороной, так и использовать это признание для обеспечения сохранения за собой по итогам войны Восточной Пруссии.

Получив ещё в 1757 г. устную гарантию Марии-Терезии о поддержке российских претензий на Восточную Пруссию, Петербург теперь стремился получить согласие второго союзника по борьбе с Пруссией – Франции. 22 января 1760 г. российский посол в Париже М. Бестужев-Рюмин отправил реляцию о разговоре французского госсекретаря по иностранным делам герцога де Шуазеля с дворянином российского посольства князем Д.М. Голицыным, который, из-за болезни самого посла, выполнял его обязанности на конференции с французским министром.

Речь шла о французском присоединении к австро-русской конвенции 1757 г., предложение о котором русский и австрийский послы в Париже сделали в конце августа 1758 г. «Что точно касается до того артикула, дабы России удержать за собою Бранденбургскую Пруссию, об оном объявленный Шуазель в разговоре упоминал, что сие не токмо протчим северным дворам весьма упорно показаться может, но и при Порте Оттоманской оное много б шуму причинствовало». Голицын в ответ заметил, что такая малость, как Бранденбургская Пруссия, ни в ком зависти не возбудит. Шуазель же вновь говорил, что завистники России истолкуют этот вопрос иначе, «а наипаче в нынешнее время, когда англичане зело стараются утвердить дружбу Порты с королем прусским», но закончил тем, «что России о награждении убытков своих согласиться потребно предыдуще с венским двором, а король его государь к тому приступит»²².

6 марта 1760 г. послу в Париже Бестужеву-Рюмину был отправлен рескрипт, в котором анализировалась позиция Франции по вопросу вознаграждения России. Петербург отмечал, что Версаль уклонился от признания российских прав на вознаграждение по итогам войны, но признаёт принципиальное право русских на возмещение убытков. В этом, по мысли русского двора, были свои преимущества. Во-первых, это сам факт признания русских прав французами, во-вторых, это констатация французами того факта, что в войне против Пруссии Франция является «вспомогательной державой», и, в-третьих, что Версаль согласен на то, чтобы переговоры о своём вознаграждении за участие в войне Россия вела только с Австрией. Послу вновь напоминалось, что в качестве вознаграждения за понесённые в войне убытки Россия хочет сохранить за собой только занятую её войсками Вос-

точную Пруссию. Тем самым, по мысли Петербурга, Россия получит средство удержания в дальнейшем Фридриха II от каких-либо агрессивных действий²³.

Получив от Версаля предложение договориться только с Австрией о возмещении убытков в идущей войне, Петербург явно почувствовал облегчение, так как австрийская государыня Мария-Терезия ранее уже дала устное обещание помочь русским закрепить за собой по итогам войны Восточную Пруссию. Дело оставалось теперь за письменной гарантией Вены.

К началу 1760 г. ситуация в Европе уже отличалась от ситуации первых кампаний Семилетней войны – выявившаяся военная мощь русских армий и явное бессилие французских заставила Вену переориентироваться с поддержки предложений Франции, как то было в начале 1757 г., на поддержку предложений России.

21 марта 1760 г. Россия и Австрия заключили новую конвенцию о взаимодействии в войне с Фридрихом II. Проект конвенции из 9 статей был вручён австрийскому послу в Петербурге графу Эстергази 4 марта. В 5-й статье конвенции в русском проекте стороны декларировали бы, что не прекратят войну до тех пор, пока Австрия не вернёт себе Силезию и Глац, а Россия не получит Прусское королевство (т. е. Восточную Пруссию) за понесённые ею в войне убытки и за военные заслуги русской армии в сражениях с пруссаками²⁴. В 6-й статье Вена и Петербург обещали стремиться к тому, чтобы вышеизложенное гарантировали и другие державы.

8 марта Эстергази вручил российскому канцлеру графу Воронцову промеморию, в которой сообщил, что для положительного ответа на предложение Петербурга о заключении договоров нуждается в инструкциях из Вены. Посла смутила именно 5-я статья, которая, по его мысли, может подать вид другим союзникам, что Россия и Австрия решают что-то за их спинами и не желают идти на мирные переговоры без территориальных приращений для себя (в виде Силезии и Восточной Пруссии), что может означать в глазах союзников затягивание Веной и Петербургом войны²⁵ в условиях уже начавшейся подготовки воюющих сторон к мирным переговорам.

18 марта Эстергази был вручен русский ответ. Ему откровенно сообщалось, что «перемены всей конвенции суть главные только две: первая, ее величество императрицу всероссийскую чтоб признавать прямо воюющей стороной, а вторая – доставить здешней империи Пруссию»²⁶. С первым пунктом Россия не ожидает никаких проблем, так как полноправной воюющей стороной её признают сами Берлин и Лондон, а о Восточной Пруссии Петербург уже име-

ет согласие Вены на её будущее присоединение к владениям Елизаветы Петровны. Вместе с тем, признавая справедливость возражения Эстергази по 5-й статье, Россия согласна изменить её. Вместо обязательства ведения войны до тех пор, пока Силезия не вернётся к Австрии, а Восточная Пруссия не отойдёт к России, вносилась более осторожная формулировка – стороны обязуются всего лишь «во время нынешней войны все силы, а при будущем замирении все старания обще и согласно к тому употребить», чтобы получить искомые территории²⁷. Кроме того, конвенцию предлагалось дополнить и особой декларацией, которая также должна была бы быть ратифицирована Марией-Терезией и Елизаветой Петровной. В декларации говорилось о том, что Вена уже высказывала своё согласие на присоединение к России Восточной Пруссии, «однако ж ее императорское величество императрица всероссийская чрез сие предоставляет себе принять с королевством и республикою Польскою впредь такие меры о королевстве Прусском, кои бы к взаимному обеих сторон удовольствию служили», и Мария-Терезия обязуется помогать России на этих переговорах²⁸.

Эстергази, видя, что русские пошли ему навстречу, подписал с Воронцовым и новый русско-австрийский договор, и антипрусскую конвенцию 21 марта 1760 г., после чего отослал её в свою столицу для ратификации договоров Марией-Терезией.

24 мая н. ст. Мария-Терезия отправила Эстергази рескрипт с выговором за подписание договоров без ведома и полномочий своего правительства. Основным возражением Марии-Терезии против новой конвенции с Россией о войне с Пруссией была её 5-я статья, с обоюдной гарантией послевоенного присоединения Силезии и Глаца к Австрии, а Восточной Пруссии – к России. Вена напоминала, что по 4-му секретному артикулу русско-австрийского договора 1746 г. Россия обязывалась воевать за воссоединение с Австрией Силезии и Глаца в обмен на выплату 2-х миллионов гульденов и не искала в войне против Пруссии никаких территориальных приобретений. Теперь же Россия меняет условия участия в войне, добавляя к австрийским свои территориальные претензии на владения прусского короля. При этом Мария-Терезия отмечала, что «Шлезия старая наследная наша земля, а Пруссия в российском владении никогда не бывала»²⁹.

Основной причиной, по которой австрийское правительство возражало против наличия в договоре с Россией статьи о гарантиях присоединения к ней Восточной Пруссии, были австрийские обязательства перед Францией. По сек-

ретному артикулу австро-французского Версальского договора 1 мая 1756 г. Вена обязалась сообщать французам обо всех заключённых её договорах с третьими странами и должна сообщить о заключенной конвенции с Россией. Увидев планы расширения владений России, Франция выступила бы против, учитывая и то, что в тексте Версальского договора нет никаких обещаний вознаграждения для Франции за её участие в войне с Фридрихом II.

Помимо этого, против русских приобретений могли выступить и другие страны – Дания, имевшая территориальные споры с наследником русского престола великим князем Петром Фёдоровичем, и Швеция, недовольство которой может вызвать то, что в то время как ей не гарантируется закрепление Прусской Померании, Россия получает гарантию присоединения Восточной Пруссии.

Признавая без всяких сомнений Восточную Пруссию завоеванием России, Вена предлагала компромисс. Она была готова подписать только то, что гарантировала ранее. 5-я статья была ею изменена, и все упоминания о Восточной Пруссии были выделены в секретный сепаратный артикул с предложением не сообщать о нём французам. Эта идея Вены относилась еще к 1757 г., но тогда время её не пришло, теперь же настойчивости России нужно было идти навстречу. Австрия также хотела бы внести в статью условие, по которому Россия имела право на присоединение к себе Восточной Пруссии только при присоединении Силезии и Глаца к Австрии³⁰. Это свидетельствовало об опасениях Вены, что Петербург может вообще успешно обойтись и без содействия австрийского двора в реализации своих целей в войне, а подобной оговоркой Мария-Терезия привязывала Россию и к решению австрийских задач в Семилетней войне. Как видим, нельзя утверждать, что Австрия была против присоединения к России Восточной Пруссии, потому что «у австрийцев не было никакого желания видеть любое укрепление российского могущества в Центральной Европе», как считали британские историки Д. МакКей и Х. Скотт³¹. Вена смирилась с будущим укреплением позиций России в Европе, компенсируя это согласием России на рост австрийского могущества в Германии.

Россия приняла предложение Австрии и ратифицировала конвенцию в том виде, в котором её соглашалась ратифицировать Мария-Терезия.

В 5-й статье Петербург гарантировал Вене, что употребит все силы для возвращения ей Силезии и графства Глац. Вена в ответ обещала также приложить все усилия в войне и на последующих мирных переговорах для того, чтобы Рос-

сии «на иждивении короля прусского возвращены были убытки»³².

В «Секретном и сепаратном артикуле, приложенном к конвенции» (таково его официальное название), разъяснялся её 5-й артикул: Австрия гарантировала свою помощь в том, чтобы Елизавете Петровне «Королевство Прусское, ныне ее оружием действительно уже завоеванное, уступлено было как справедливое награждение»³³ (при условии закрепления за Австрией Силезии и Глаца). Также Вена и Петербург приложили к конвенции Декларацию, в которой Елизавета Петровна сообщала, что намерена вступить с Польшей в обоюдовыгодные переговоры по поводу Восточной Пруссии³⁴. Эта Декларация также не предназначалась для сообщения союзной Франции.

Таким образом, Австрия письменно гарантировала России послевоенное присоединение к ней Восточной Пруссии при условии перехода к Австрии Силезии и графства Глац. Д.Ф. Масловский комментировал новую конвенцию следующим образом: «Русскому правительству пришлось отказаться от требуемых им гарантий и довольствоваться одними обещаниями Австрии, которым никто не верил, хотя они и подтверждались в сепаратных артикулах новой конвенции с Австриею, заключённой 21 марта»³⁵. Кто были эти все неверящие обещания Австрии, Д.Ф. Масловский не указал, но сам факт внесения «обещаний Австрии» в текст международного договора уже и являлся гарантией, которой всё же добилась русская дипломатия.

Французская же дипломатия в лице герцога де Шуазеля имела перед собой трудную дилемму – соглашаясь на российские требования, которые могли сделать Петербург хозяином Балтики и вообще усилить его мощь в Европе, он мог бы оттолкнуть от Франции польских политиков французской ориентации, Швецию, Данию, а также Турцию, а противодействуя планам России, он ссорился бы как с ней, так и, скорее всего, с Австрией.

Герцог Шуазель потому выбрал соломоново решение – переложил ответственность на австрийцев, предложив своему королю следовать за позицией Вены. Американский историк Л. Дж. Олива отмечал, что никакой золотой серединой этот путь Шуазеля не являлся – Версаль фактически давал карт-бланш России и Австрии решать судьбу Восточной Европы, и после этого французам было бы невозможно что-либо изменить³⁶.

Текст русско-австрийской конвенции 22 марта 1760 г., исключая секретный артикул о взаимной гарантии территориальных приобретений, был сообщён французскому послу в России маркизу де Л'Опиталю 15 сентября того же года.

2 декабря 1760 г. маркиз де Л'Опиталь вручил Воронцову официальный ответ своего двора. Людовик XV был согласен присоединиться к конвенции, «но только с таким представлением, что исполнение предъявленных в 4-м и 5-м артикулах обязательств учреждаемо быть имеет по политической и военной возможности»³⁷. 4-я статья конвенции сообщала о том, что Россия и Австрия обязываются не полагать оружия в войне с Пруссией до тех пор, пока мирный договор не обеспечит их будущую безопасность и они не достигнут изложенного в 5-м артикуле, который предполагал возвращение Австрии Силезии и Глаца, а России – вознаграждение убытков.

Сами австрийцы обращались к Версалю с запросом о том, как он смотрит на намерения России получить территориальные компенсации за участие в войне. Шуазель, ссылаясь на мнение короля, также предоставил австрийцам свободу самим договариваться с Россией, «в принципе его величество находит нежелательным присоединение Россией Восточной Пруссии, так как подобное увеличение пределов этой державы отдаст в её руки большую часть Балтийского моря, и она получит слишком большой перевес над Польшей. Но во всяком случае, если даже Австрия найдёт нужным уступить по этому пункту, король желает, чтобы никто не имел права говорить, что «Франция повлияла на это решение»: он хочет «избежать упреков своих прежних союзников». [...] Итак, Франция заботилась лишь о том, чтобы «соблюсти декорум»³⁸, как писал польский историк К. Валишевский, т. е. чтобы её старые союзники, исторические противники России, не упрекали её в предательстве их интересов.

Английский историк XIX в. Дж. Ф. Брайт, писал, что, после получения от австрийцев известия об их гарантиях перехода Восточной Пруссии к России герцог Шуазель, занятый переговорами с Англией, отнёсся к этому с абсолютным безразличием³⁹.

Сам Людовик XV уступил России и напрямую – его слова русским о согласии на некое послевоенное «вознаграждение» России не отменялись оговоркой «по политической и военной возможности», так как всё равно всё зависело от событий на театрах военных действий. Более того, герцог Шуазель фактически смирился с расширением России. Он, по словам историка Л. Дж. Оливы, готов был присоединиться к австро-русскому соглашению с условием, что Россия гарантирует: Австрии возвращение лишь Глаца, но не Силезии (чтобы Фридрих II охотно пошёл на мир), Польше – российские денежные компенсации, Швеции – российские субсидии, а Франции – активную помощь в заключении

мира с Англией, но Петербургу не было нужды договариваться с Версалем⁴⁰.

Намерения России не были секретом и для противников. В союзном Пруссии Лондоне ещё в начале февраля 1760 г. с российским посланником князем А.М. Голицыным впервые за войну провёл обстоятельный разговор влиятельный Уильям Питт, занимавший должность государственного секретаря южного департамента (отвечавшего за отношения с Францией и странами Южной Европы). В беседе Питт в общих выражениях о скором мире «распространяясь, что оной немало от вашего императорского величества зависит», старался узнать планы Елизаветы на мирных переговорах. Питт, как понял Голицын, искусно выведывал у него, не объясняясь прямо, «не намерены ли ваше императорское величество в вечном своем владении удержать учиненные вашим оружием в Пруссии завоевания»⁴¹.

Голицыну из Петербурга ничего о действительном намерении России не сообщили, и он стал действовать на свой страх и риск. Посланник не возражал на слова Питта, но заметил ему, что по всем правам Елизавета Петровна может претендовать на вознаграждение за убытки в войне и обеспечение будущей безопасности своих владений⁴². Питт к разговору не возвращался, вероятно, решив, что Россия по итогам войны всё же намерена что-то приобрести. Вообще же Голицын, пересказывая беседу, писал своему правительству, что «здесь не только публика, но и двор внутренне чувствует справедливость и возможность» удержания Россией за собой Восточной Пруссии⁴³.

Самому Голицыну такая идея импонировала, и он в связи с возможными планами Петербурга даже изложил в реляции от 4 февраля 1760 г. свою концепцию исторической роли правления Елизаветы Петровны для обеспечения России достойного места в Европе.

А. Голицын писал, что «по настоящим, а особенно здешним (т. е. английским. – М. А.) обстоятельствам не совсем бы невозможно было, толь паче имея к тому весьма полезный способный случай, чтоб вышепомянутое завоевание Королевства Прусского вашему императорскому величеству будущим миром вовсе себе утвердить, и тем как распространить европейские границы вашего величества империи, так и умножить славу высочайшего вашего имени и щастливого государствования. Последующие веки не могут иначе как признать, что ваше императорское величество, равно как и вечной памяти достойный отец ваш император Петр Великий, от Бога избраны, чтоб каждый в свое преславное государствование дальновидные намерения королей прусского и шведского [...]

уничтожить», лишив их сил и тем защитить всю Европу от их властолюбия⁴⁴.

Слова эти на полях были отчеркнуты Воронцовым, и кто знает, повлияли ли они на отзыв Голицына из Лондона и его назначение вице-канцлером в конце следующего, 1761 г.

Со стороны Англии противодействия планам присоединения Восточной Пруссии к России не ожидалось. Но были другие недовольные ими.

В Стокгольме русский поверенный в делах секретарь посольства А.С. Стахиев, заменявший отозванного в Россию посланника Н.И. Панина, писал: «Несомненное дело есть, что всякое дальнейшее распространение ее императорского величества областей в Европе не токмо у ближних ее высоких соседей, но и у других, наипаче у устремляющихся о захвачении в свои руки поверхности и управлении европейскими делами, усугубляет зависть и опасность впредь навсегда потерять ласкательную надежду об успехе их устремлений». Тем более эту зависть и опасения, по мысли Стахиева, у шведов вызывает намерение России закрепить за собой Восточную Пруссию, потому что тогда Петербург получит «ключи ко всем областям громады корпуса Германской империи»⁴⁵.

В октябре 1760 г. открылись заседания очередного шведского сословного парламента – риксдага, имевшего всю полноту власти в государстве. Секретный комитет (что-то вроде президиума, решающего внешние дела и состоящего из самых политически активных депутатов всех сословий, кроме крестьян) созываемого риксдага подготовил своё «мнение» о внешнеполитических вопросах, которое русским дипломатам тайно передали их агенты. Относительно соседней империи лидеры главного шведского органа власти писали, что в результате побед русской армии в идущей войне Россия может приобрести в Германии такое же влияние, которое по Вестфальскому трактату 1648 г. могут иметь только Франция и Швеция. Естественно, это не устраивало Стокгольм, как и планы России закрепить за собой Восточную Пруссию, о которых делегаты высказались следующим образом. Несмотря на то, что Стокгольм против этого, он вынужден молчать, так как он не хочет навлечь на себя неудовольствие России в случае, если европейские державы откажут Петербургу в поддержке этих планов⁴⁶. Официальное подтверждение того, что шведы останутся в молчании и препятствовать русским планам присоединения Восточной Пруссии не будут.

Наступил 1761 г. 13 января Людовик XV опубликовал декларацию к союзникам о безотлагательной необходимости мира, в которой снова пытался провести в жизнь прежние идеи мира

без территориальных приобретений России. Французский король утверждал, что он и его союзники, выполняя условия Вестфальского мира, защитили Германию от агрессора, и теперь следует удовлетворить жертв нападения – «король польский (т. е. Август III как курфюрст Саксонии. – М. А.) и императрица-королева одни только требуют себе награждения»⁴⁷. 2 февраля ст. ст. маркизу де Л'Опиталю был вручен многостраничный русский ответ на декларацию Людовика XV, доказывающий полное право России на вознаграждение за участие в войне. Французам напоминалось, что Фридрих II своей декларацией объявил войну России ещё до того, как русская армия вышла в поход, и, следовательно, Россия тоже должна получить воздаяние.

Относительно собственно условий мира Петербург считал бы справедливым передачу Австрии Силезии и Глаца, Швеции – обещанную ей Померанию, Саксонию – обезопасить от возможных последующих нападений и вознаградить её за убытки в войне. Англичанам следовало бы по справедливости заключить мир с французами в колониях и оставить Версалью остров Минорку. Россия, как и все остальные участники войны с Пруссией, также должна получить вознаграждение за понесённые убытки в войне.

По мысли России, ослабление Фридриха II «первым и главным основанием мирному плану и самому миру служить имеет»⁴⁸. Этой цели будут служить возвращение Силезии Австрии, Саксонии – присоединение Магдебурга и, например, прусских амтов в Лузании (Лужице). Шведы по итогам мира должны получить какое-либо приращение своих владений в Померании, что, к слову, гарантировала ранее сама Франция в договоре со шведами. С целью ослабления Фридриха II Россия должна получить Восточную Пруссию. Она уже завоёвана русской армией и не является частью Священной Римской империи германской нации. Она, к слову, не всегда принадлежала и предкам Фридриха II, бранденбургской династии Гогенцоллернов. Петербург просит часть владений Фридриха II не для того, чтобы увеличить территорию России, и даже не для того, чтобы компенсировать свои убытки в войне – российские границы достаточно далеки от границ Восточной Пруссии, и сама она – земля бедная и русской казне будет только в тягость. Поэтому Россия собирается передать её Польше в результате переговоров с Варшавой. Каких-либо препятствий со стороны Фридриха II планируемому присоединению Восточной Пруссии Россия не ожидает – для короля это небольшая потеря, земля малоплодородная, озерная и болотистая⁴⁹.

Ответа на эту ноту со стороны Франции не последовало, Версаль вновь предпочёл удалиться

от объяснений с русскими по поводу их возможных приобретений.

К этому времени воюющие стороны уже договорились, что переговоры о мире в Европе будут проходить в германском городе Аугсбург. Представителями России на этом конгрессе были назначены граф Г.К. Кейзерлинг и граф И.Г. Чернышев. 8 июня 1761 г. им была отправлена инструкция для работы на будущем Аугсбургском конгрессе.

Дипломаты инструктировались о своих действиях по защите интересов России на мирных переговорах. Главной задачей для них являлось обеспечение перехода к России Восточной Пруссии. Помимо очевидного сопротивления этому Фридриха II Петербург опасался и противодействия союзной Франции, которая считала, что Россия должна отказаться от каких-либо приобретений. Слова французов Петербург категорически опровергал: «Выше изображенное французских министров изъяснение взято из их собственного скоропостижного рассуждения, и встречающиеся донныне трудности в совершенном достижении всех имевшихся намерений приняты за соглашение наше отступить от Пруссии (Восточной. – М. А.). А впрочем ни Франция, ни кто на свете не докажет, чтоб мы малейше где-либо изъяснились возвратить Пруссию»⁵⁰. Дипломатам сообщалось, что ещё в 1759 г. Версаль обещал Петербургу поддержать то решение о вознаграждении России за убытки в войне, о котором она договорится с Австрией. Нынешняя изменившаяся позиция французов, хоть и имеет сейчас военные резоны (отсутствие военных успехов союзников и занятие ими, помимо Восточной Пруссии, только Глаца с сохранением прусской оккупации Саксонии и удерживания пруссаками Силезии), однако с ожидаемыми успехами в кампанию нынешнего, 1761 г., она может быть легко оспорена. Но сделать это можно было только при содействии австрийцев, с которыми русским дипломатам следовало тесно сотрудничать и перед французами особо поддерживать австрийские требования возвращения им всей Силезии.

Послам сообщалось, что 2 февраля 1761 г. Петербург действительно вручил французскому послу в России маркизу де Л'Опиталю ноту, в которой сообщил, «что мы не удалены будем и отступить от притязаний наших на Пруссию, естли можем тем удобить мирные кондиции для наших союзников»⁵¹. Но эта декларация «отнодь не обяывает нас отступить от сего притязания (на Восточную Пруссию. – М.А.), ибо, во-первых, все, что тамо ни сказано, препровождено точною кондициею, естли бы мир мог состояться еще минувшей зимою (подчеркива-

ние в тексте. – М. А.)», а во-вторых, французы так и не ответили на вопрос декларации о том, какую же компенсацию получит Россия по итогам мира вместо Восточной Пруссии.

Если же противник и даже французы при начале конгресса будут упорствовать в обсуждении планов присоединения к России Восточной Пруссии, то Кейзерлингу и И. Чернышеву «надлежит ему чувствовать дать, что без того мира нет»⁵². Иностранным делегатам на конгрессе следует заметить, что если они действительно желают Европе мира, «то за Пруссией не останется мирное дело»⁵³. Если же Франция согласится быстро вести дело к миру, оставляя интересы союзников в стороне, то русским дипломатам следует ответить на это, «что и вы не приехали торговаться, и первое ваше предложение будет и самое последнее»⁵⁴, тем более что Россия уже завоевала и облагодетельствовала предмет своих притязаний.

Как явствует из секретной инструкции, Россия вовсе не оставила своих планов удержания за собой Восточной Пруссии и планировала поставить вопрос об этом в качестве своего основного требования. До сих пор считалось, что Елизавета, Воронцов и, следовательно, российская дипломатия под давлением Франции отказались от таких планов: Инструкция российским дипломатам, назначаемым на Аугсбургский конгресс, это опровергает.

Заметим, что о цитированной выше инструкции русским дипломатам, назначаемым на мирный конгресс в Аугсбурге, автору не удалось встретить никаких упоминаний в предыдущих исторических работах, в них упомянуто только о том, что Россия устами Воронцова сняла свои прежние претензии на удержание Восточной Пруссии.

На дипломатическом языке обсуждение на мирных переговорах перехода Восточной Пруссии к России называется «условие *sine qua non*», то есть такое условие российской стороны, без которого невозможен мир. Это не означало непременное согласие иностранных государств на присоединение провинции к России, но без их согласия на сам факт обсуждения этого вопроса русские дипломаты не должны были соглашаться начинать переговоры о мире.

Для того чтобы позиция России другим участникам конгресса виделась более гибкой, Кейзерлингу и Чернышеву следовало показать готовность к компромиссам следующим образом: в кулуарах заседаний они должны были бы сказать европейским дипломатам, что если другие страны сами заявят, что Россия имеет право на приобретения и сами назовут их, то и Петербург будет согласен пойти на уступки и пожертвовать чем-нибудь из своих притязаний.

Если же стороны решат заключить мир без участия России, то Петербург оставляет за собой полную свободу действий в занятой русскими войсками Восточной Пруссии⁵⁵.

Последняя часть инструкции сообщала о безопасных позициях на случай категорического отказа европейских держав передать России Восточную Пруссию. В этом случае Россия потребует от Фридриха II выплаты 12 млн. талеров⁵⁶, а до окончательной расплаты продолжит удерживать Восточную Пруссию за собой. Если и этого требования не удастся добиться, то следовало поставить требование выплаты прусским королём 1 млн. червонных (примерно 1,5 млн. рублей золотом) с одновременной уступкой им России Эльбингского, Драгимского, Бютовского и Лауэнбургского уездов (район верховьев Вислы), чтобы о дальнейшей судьбе этих уездов Петербург мог «трактовать с Республикою Польскою»⁵⁷.

При этом на требования уездов следовало «крепко настоять»⁵⁸, так как Фридрих II владеет ими временно, а законный сюзерен этих территорий – Польша, кому Петербург и планирует потом передать уезды по окончании переговоров о границах Речи Посполитой с Россией.

В случае необходимости можно было бы отказать от выплаты 1 млн. червонных, удовлетворившись передачей русским драгоценностей польской короны, полученных в залог за Эльбингский округ.

Последним рубежом русской дипломатии на конгрессе в Аугсбурге, если бы Европа воспротивилась вообще каким-либо территориальным приращениям России, было требование уплаты пруссаками 2 млн. червонных и право на занятие русскими портовых прусских городов Пиллау и Мемеля вплоть до выплаты этой суммы. Эта позиция была «ульгиматумом», то есть крайним категорическим условием подписания Россией мира⁵⁹.

Судя по инструкции, Россия в 1761 г. вполне осознавала свою силу и планировала решительно отстаивать свои интересы, не останавливаясь и перед отказом от подписания мира, если её интересы не будут обеспечены. Главным условием Петербурга на участие в мирных переговорах являлось признание европейскими державами самого факта правомерности его притязаний на Восточную Пруссию. В дальнейшем, в ходе переговоров по этому вопросу, Петербург был согласен пойти на уступки в случае невозможности отстоять свои требования вплоть до отказа от каких-либо территориальных приобретений, останавливаясь лишь на выплате Пруссией контрибуции.

Россия на мирных переговорах в Аугсбурге, доживи русская императрица до них, играла бы

главную роль – армия сделала своё дело, доказав, что она может стать ведущей континентальной силой, а дипломатия успешно провела подготовку к отстаиванию притязаний своего правительства на мирном конгрессе.

Главным требованием России было присоединение Восточной Пруссии. При этом в планах России не было стремления превратить эту территорию в русскую провинцию. Присоединение части владений Фридриха II служило как цели превратить ослабленную потерей территорий Пруссию опять в державу второго ранга, поставив крест на её великодержавных амбициях, так и цели нормализации пограничных отношений с Польшей и переходу Курляндии из польского вассалитета в российский.

Россия не ожидала серьёзного противодействия своим планам в отношении Восточной Пруссии на мирном конгрессе. Планировал ли Петербург оставить эту территорию за собой навсегда, отказавшись от обмена с Польшей?

Обмен Восточной Пруссии Польше на Курляндию и часть территорий Украины и Белоруссии был заявлен ещё в 1756 г., на Конференции при Высочайшем дворе. Заседания были тайные, следовательно, Петербург не лукавил и тогда действительно был готов поменять Восточную Пруссию на часть территорий Речи Посполитой. Можно отметить, что первые известия о планах А.П. Бестужева-Рюмина захватить у Фридриха II Восточную Пруссию и обменять её Польше на «Псковскую и Смоленскую провинции» (судя по всему, на приграничные районы, примыкавшие к этим российским территориям) относятся к началу октября 1744 г. – об этих планах английский посланник в Петербурге сообщил своему двору⁶⁰, то есть эта идея давно владела мыслями тогдашнего руководителя внешней политики России.

Могла ли позиция России измениться во время войны, когда Восточная Пруссия уже оказалась под русской властью? Факт приведения жителей к присяге на верность Елизавете не свидетельствует о какой-либо перемене планов, учитывая и опыт действий России в Финляндии в 1742-1743 гг., и простое освобождение жителей Восточной Пруссии от присяги себе на верность Петром III при возвращении её Фридриху II в 1762 г. Кроме того, для того, чтобы обменять Восточную Пруссию на Курляндию и часть территорий Украины и Белоруссии, эта провинция должна была бы стать собственностью России, иначе переговоры об обмене на польские владения не имели бы смысла.

Наконец, 21 марта 1760 г. Россия и Австрия подписали конвенцию с приложениями, по которой Россия заявляла о том, что будет вести

взаимовыгодные переговоры о Восточной Пруссии с Речью Посполитой, а Вена обязывалась эти переговоры «добрыми своими официями⁶¹ подкреплять»⁶². Намерение обмена Восточной Пруссии на польские территории стало частью международного договора, что демонстрирует всю серьёзность намерений елизаветинского двора. Сведений, позволяющих утверждать о том, что Елизавета планировала удержать за собой Восточную Пруссию, найти не удалось. Следовательно, высказанная в 1756 г. идея обмена Восточной Пруссии на территории Речи Посполитой к концу правления Елизаветы оставалась в силе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Безобразов П.В.* О сношениях России с Францией. М., 1892. С.255; *Черкасов П.П.* Елизавета Петровна и Людовик XV. М., 2010. С.294.
- ² *Чуяков М.К.* Россия (СССР) в «коалиционных войнах» от Тридцатилетней войны до Второй мировой: к постановке проблемы // Национальная безопасность / *Nota Bene*. 2010. №6. С.87.
- ³ Протоколы Конференции при Высочайшем дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.136. СПб., 1912. С.33.
- ⁴ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.1. Трактаты с Австрией. 1648-1762. СПб., 1874. С.201-213.
- ⁵ *Щепкин Е.Н.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746-1758. СПб., 1902. С.573.
- ⁶ Там же. С.571.
- ⁷ Там же. С.586.
- ⁸ Там же. С.588-590.
- ⁹ Там же. С.602.
- ¹⁰ *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. 1749-1761. Кн. XII. М., 2003. С.516.
- ¹¹ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.32, Сношения России с Австрией. Оп.1. 1757 г. Д.9, Сообщения и конференции австрийского посла Н. Эстергази. Л.122-124об.
- ¹² Записка о конференции с цесарским послом графом Эстергази 1757 // Архив князя Воронцова. Кн.4. М., 1872. С.87.
- ¹³ *Щепкин Е.Н.* Русско-австрийский союз во время Семилетней войны. 1746-1758. СПб., 1902. С.625.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф.32, Сношения России с Австрией. Оп.1. 1757 г. Д.25, Сношения с австрийским министерством о требованиях России, о тех выгодах, которые имеет право требовать по участию в войне. Л.8.
- ¹⁵ Там же. Л.12-14.
- ¹⁶ Там же. 1758 г. Д.10, Сообщения и конференции австрийского посла Н. Эстергази. Л.236-243об.
- ¹⁷ Там же. Ф.74, Сношения России с Пруссией. Оп.1 1742 г. Д.2, Рескрипты к посланнику П.Г. Чернышеву. Л.104. Русский историк Финляндии генерал М.М. Бородкин в своей книге подробно описывал как принятие присяги финнами, так и достаточно лояльное к местному населению оккупационное правление русских, напомиравшее русское правление в оккупированной Восточной Пруссии (*Бородкин М.М.* История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб., 1910. С.170-222).
- ¹⁸ АВПРИ. Ф.32, Сношения России с Австрией. Оп.1. 1758 г. Д.10, Сообщения и конференции австрийского посла Н. Эстергази. Л.73.

- ¹⁹ *Bangert D.E.* Die russisch-österreichische militärische Zusammenarbeit im Siebenjährigen Kriege in den Jahren 1758-1759. Voppard am Rhein, 1971. S.49.
- ²⁰ Там же. Л.73-74об.
- ²¹ Письма Ф.Д. Бехтеева к вице-канцлеру графу М.Л. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн.3. М., 1871. С.281.
- ²² АВПРИ. Ф.93, Сношения России с Францией. Оп.1. 1760 г. Д.5, Реляции посла М.П. Бестужева-Рюмина и поверенного в делах Д.М. Голицына. Л.9об.-10.
- ²³ Там же. Д.4, Рескрипты к послу М.П. Бестужеву-Рюмину. Л.50-52.
- ²⁴ Там же. Д.8, Сообщения и конференции австрийского посла Н. Эстергази. Л.169.
- ²⁵ Там же. Л.226.
- ²⁶ Там же. Л.417-418.
- ²⁷ Там же. Л.478об.
- ²⁸ Там же. Л.483-483об.
- ²⁹ Там же. Д.9, Сообщения и конференции австрийского посла Н. Эстергази. Л.56.
- ³⁰ Там же. Л.48-61об.
- ³¹ *McKay D., Scott H.M.* The Rise of the Great Powers. 1648-1815. London; New York, 1983. P.195.
- ³² Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.1. Трактаты с Австрией. 1648-1762. СПб., 1875. С.296.
- ³³ Там же. С.301.
- ³⁴ Там же. С.302.
- ³⁵ *Масловский Д.Ф.* Русская армия в Семилетней войне. Вып.3. М., 1891. С.415.
- ³⁶ *Oliva L.J.* Misalliance. A Study of French Policy in Russia during the Seven Years War. New York, 1964. P.151.
- ³⁷ АВПРИ. Ф.93, Сношения России с Францией. Оп.1. 1760 г. Д.5, Реляции посла М.П. Бестужева-Рюмина и поверенного в делах Д.М. Голицына. Л.336.
- ³⁸ *Валишевский К.* Дочь Петра Великого. М., 1989. С.518.
- ³⁹ *Bright J.F.* Maria Theresa. London, 1897. P.163.
- ⁴⁰ *Oliva L.J.* Misalliance. A Study of French Policy in Russia during the Seven Years War. New-York, 1964. P.152.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф.35, Сношения России с Англией. Оп.1. 1760 г. Д.812, Реляции посланника А.М. Голицына, Л.27об.
- ⁴² Там же. Л.28.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же. Л.28об.-29.
- ⁴⁵ Там же. Ф.96, Сношения России со Швецией. Оп.1. 1760 г. Д.3, Реляции посланника Н.И. Панина, секретаря посольства А.С. Стахива и посланника И.А. Остермана. Л.371-371об.
- ⁴⁶ Там же. Л.782-782об.
- ⁴⁷ Там же. Ф.93, Сношения России с Францией. Оп.1. 1761 г. Д.66, Сообщения и конференции французского посланника барона де Бретейля. Л.20об.
- ⁴⁸ Там же. Л.103.
- ⁴⁹ Там же. Л.107-108.
- ⁵⁰ Там же. Ф.2, Внутренние коллежские дела. Оп.1 1754-1763 гг. Д.29, Доклады по делам внешним и внутренним. Л.72.
- ⁵¹ Там же. Л.74.
- ⁵² Там же. Ф.32, Сношения России с Австрией. Оп.1. 1761 г. Д.9, Отпуски рескриптов назначенным на конгресс в Аугсбурге Г.К. Кейзерлингу и И.Г. Чернышеву. Л.14.
- ⁵³ Там же. Л.14об.
- ⁵⁴ Там же. Л.16.
- ⁵⁵ Там же. Л.17об.
- ⁵⁶ 1 российский рубль в то время соответствовал 2 рейхсталерам, то есть речь идет о сумме в 6 млн. рублей. (*Szabo F.* The Seven Years War in Europe 1756-1763. London, 2008. P.XII).
- ⁵⁷ АВПРИ. Ф.32, Сношения России с Австрией. Оп.1. 1761 г. Д.9, Отпуски рескриптов назначенным на конгресс в Аугсбурге Г.К. Кейзерлингу и И.Г. Чернышеву. Л.41.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. Л.42.
- ⁶⁰ *Тургенев А.И.* Российский двор в XVIII в. СПб., 2005. С.142.
- ⁶¹ Vons offices (*фр.*) – добрые услуги, посредничество.
- ⁶² Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.1. Трактаты с Австрией. 1648-1762. СПб., 1874. С.302.

EAST PRUSSIA IN RUSSIA'S MILITARY PLANS DURING THE SEVEN YEARS' WAR (1756-1763)

© 2014 M.Yu. Anisimov

Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article deals with the aspiration of St. Petersburg during the Seven Years' War to assert its right on the territory of East Prussia which was occupied with Russian troops. The examination of archival documents led the author to the important conclusion that the Russian government considered these plans as achievable on postwar peace talks (the decision to start peace talks was adopted in 1761), and did not abandon its plans until the death of the Empress Elizabeth on December, 25th, 1761.

Keywords: Seven Years' War, Russia, East Prussia, Russian diplomacy.